

Р. ГРИГАС

КОНТУРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕННОСТЕЙ

ГРИГАС Ромуальдас - профессор, член-корреспондент АН Литвы.

Современный характер глобализации и социальных изменений, проникающих в самые "потаенные" клетки и места общества любой страны (в особенности более развитой), а также двойственность, противоречивость этих трансформаций заставляет социологов обратить более внимательный взгляд на совершенствование и обновление методов исследований, соблюдение их адекватности относительно постоянно меняющейся реальности. Такой "заказ" выдвигается как практическими нуждами управления обществом, так и познавательной позицией человека, в нашем случае социолога, которая, по словам известного американского социолога П. Бергера, должна быть близка к позиции человека, всматривающегося во внутрь помещения сквозь замочную скважину, чтобы увидеть то, что скрыто от публичного глаза [1]. Характер траекторий латентности социальных структур и процессов, а не очевидность - вот то, что волнует социолога или социального антрополога.

Западная цивилизация отличается явной приверженностью к доктрине прав и свобод человека, в то время как Восток - к доктрине общинности (учитывая особенности современного мира и силу набирающей глобализации, автор воспринимает категории "Запад" и "Восток" как достаточно относительные, но тем не менее не потерявшие своего смыслового значения). Исходная точка Запада, США - либерализм, крайнюю позицию которого задает известный принцип свободного рынка *"laissez faire"* (дословно "не мешайте действовать"). На Востоке, например в цивилизованных Японии и Китае, культура заставляет человека подчиняться *общинности, авторитету традиции*. Естественно, что упомянутой доктрине и традиции Запада сопутствуют более ярко выраженные поля напряженностей, в особенности в тех странах, которые вышли из

советского блока. В них "старое" и "новое" сталкиваются с наибольшей силой, выражающейся даже в форме определенных гримас социальных структур и процессов. В западной интеграции расходящихся в стороны социальных сегментов все меньшую роль играет бывшее когда-то мощным христианство и этнокультура. Вместе с тем укрепляется значимость доктрины прав и свобод человека - гравитационного центра демократизации и гражданского общества. Усиливается также культ потребительства, включая чувственный мир человека.

Основной источник авторских размышлений - специфика социальной реальности Литвы (по некоторым контурам она близка к реальности сегодняшней России). Здесь с определенной силой проявляется конфронтация советского наследия с противоречивой действительностью западного мира. Я придерживаюсь известного убеждения, научно обоснованного Г. Хакеном и И. Пригожиным, согласно которому порядок и хаос, их постоянная конфронтация - одна из фундаментальных характеристик мира. Такое утверждение в первую очередь относится к социальному миру. В каждом обществе существуют не только очевидные, но и латентные конфликты и противоречия, они повсеместны. Каждое общество зиждется на насилии [2] и одновременно стремится к интеграции, которая достигается благодаря разрешению конфликтов и противоречий. Л. Козер считает, что конфликт - имманентная черта общества и что в возникающем конфликте можно усмотреть явные позитивные функции: коммуникативно-информационную, устранение (или смягчение) напряженностей между противоборствующими сторонами, стимулирование социальных перемен на основе формирования новых социальных структур.

В. Каволис применительно к сравнительному анализу цивилизаций выделяет целый ряд характеристик социальных напряжений, которые возникают между: контролем и освобождением, интеграцией и экстернализацией, рациональностью и витальностью, объединением и разъединением, эмпирикой и трансцендентностью, иерархией и равенством, натуральностью и искусственностью, всеобщностью и партикулярностью, прошлым и будущим, экспансией и стабильностью. По его мнению, подобные явления, развиваясь противоположным образом, порождают кризисы цивилизаций, которые в первую очередь определяются отсутствием контакта, коммуникаций (диалога) между противостоящими сторонами [3].

Всматриваясь в социальный мир, данный список можно дополнить и такими универсальными напряженностями, как: созидание и разрушение, замкнутость и открытость, статичность и динамичность, хаос и порядок, национализм и супранационализм (наднациональность), справедливость и несправедливость, индивидуализм и общинность (коммунитарность), гражданственность и гражданская инфантильность, эгоизм и альтруизм, гедонизм и аскетизм. На первый взгляд, некоторые из этих пар противоположностей (в особенности последние) могут показаться объектами психологических или социально-психологических исследований. Мы полагаем, что все они являются достаточно "серьезными" как для социологического анализа, так и для социальной антропологии, политологии, а также других социальных и гуманитарных наук.

В рассуждениях Р. Дарендорфа легко заметить контуры всеобъемлющих противостояний (напряженностей), которые существуют между великими силами капитализма и демократии, а также между центром и периферией. З. Бауман, размышляя о таких напряженностях, которые проявляются между: выбором и его отсутствием, самосознанием и отсутствием условий для его осуществления, соблазном и насилием, самоопределением и наложенными на него запретами [4], склонен их трактовать как объекты психологического или социально-психологического анализа. Однако нам представляется, что их интерпретация может быть куда более широкой (захватывающей не только уровень отдельных стран, но и цивилизаций).

Обобщая изложенное, сформулируем несколько утверждений. Любой социальной системе, будь то группа людей или общество, характерны определенные вибрации. Эти вибрации есть не что иное, как напряженности, которые и создают социальную энергию и ею подпитываются. Любую современную нацию и ее государство можно

рассматривать как *социоэтносистему*, которая находится либо в состоянии *динамического равновесия*, либо в состоянии *динамического неравновесия*. Последнее характеризуется более ярко выраженной социальной нестабильностью; дисфункциональностью и нескоординированностью структур и институтов; нарушением оптимальной (необходимой для нормального эволюционирования нации, которая рассматривается как особая форма социальной организации) преемственности. Динамическое равновесие более близко к негэнтропии, неравновесие - к энтропии. Странам, ранее входившим в советский социалистический блок, в большей степени характерны черты динамического неравновесия. Такое положение является дополнительным аргументом в пользу того, что социологи этих стран не должны довольствоваться только теориями и концепциями, рожденными иной действительностью и иными потребностями. Вместе с тем мы признаем и тот очевидный факт, что развивающаяся глобализация, за которой тянется и явный шлейф социального негатива, вызывает также серьезные опасения и в странах, которые могут быть охарактеризованы состоянием динамического равновесия.

Нам представляется, что *социальное напряжение следует понимать как факты, события, процессы и их конфигурации, которые проявляются (или распределяются) в определенной сфере социальной жизни и отношений и выражают противоположные тенденции*. Поле социальной напряженности может быть интерпретировано не только как пространство, в котором проявляются разные по природе и направленности структуры и ими излучаемая социальная энергия. "Содержимое" поля составляют также и противоположности, которые существуют в самой структуре, внутри ее. Последнее можно объяснять по-разному, вплоть до противоречивости природы самого человека.

Поле социальной напряженности - имманентное свойство социума, равносильное свойству порождать и более равномерно распространять в социальном "теле" социальную энергию. Социальные структуры, составные социума, вытесняются новыми, а те - суперновыми структурами. Излучаемые ими социальные энергии, сталкиваясь между собой, способствуют миграции полей напряженностей, трансформации их качества. Словом, обстоятельства их зарождения заключаются не только "вовне", но и "внутри". Поэтому радикализм реформ, проводимых в обществе, не только ускоряет, но и в определенной мере усугубляет становление социального. Доминирование одной из противостоящих сторон сугубо радикального (тем более деструктивного) характера обычно сопровождается умножением ситуаций, усиливающих поля социальных напряженностей, что в итоге способствует выведению социосистемы из динамического равновесия, ускоренному разложению традиционных структур.

И социальная поляризация, и поля напряженностей могут стать предпосылкой как оптимальной интеграции социальных сегментов, так и их дальнейшего разъединения, конфронтации. В конечном счете возможности социоэтносистемы, уровень ее цивилизованности могут быть определены в зависимости от степени и способов разрешения деструктивности и конфронтации тенденций социального развития. Из этого положения вытекает другое: раскрытие противоположных тенденций социального изменения и определение контуров полей социальных напряженностей могут быть представлены как метод социологического мониторинга (или диагностирования) функциональности общества и государства, т.е. социоэтносистемы, ее локальных, в том числе территориальных структур и сегментов. Более того, посредством метода конструирования полей можно получить более исчерпывающую картину и социоэтногенезиса.

К характеристике цивилизованности социоэтносистемы мы можем отнести не только ее способность (и "смелость") в раскрытии полей социальных напряженностей, но и способность ее составных частей (структур) и сил к взаимному диалогу и взаимодействию. Такой диалог особенно важен не только в разрешении уже существующих или вновь возникающих полей, но и в предвидении, предупреждении их возник-

новения. Диалог особенно ценен для направления полей в русло, укрепляющее культуру, цивилизованность.

Мы не склонны преувеличивать значение противоборствующих сил (бинарных оппозиций), которые порождают поля напряженностей, но в то же время убеждены в том, что их нельзя игнорировать. Нас должна преследовать мысль о расширении социологического самосознания самого общества и его государственных структур. Концепция полей социальных напряженностей как раз и "подбрасывает" такую возможность, отнюдь не создавая ее формально, искусственно. Но при этом не надо упускать из вида одно важное обстоятельство. Сошлемся на Л. Козера, который считал, что вряд ли возможен регулирующий механизм в строго организованных системах: блолируя конфликты, они блокируют специфический предупредительный сигнал и одновременно усиливают опасность социальной катастрофы. Данное утверждение наводит на мысль о причинах, породивших распад советской системы, и о его тяжелых последствиях, сказывающихся на нас и по сей день.

С этой точки зрения интересно и другое замечание Л. Козера, что некоторые социальные процессы являются конечными. Исходя из этого, мы можем полагать, что советизация как процесс был самоисчерпывающим. В равной мере таковы и попытки отстоять "полный" суверенитет или даже политическую независимость страны, в особенности небольшой, в условиях развивающейся глобализации. Следовательно, поля социальных напряженностей также должны рассматриваться через призму того, какие тенденции эволюции социума (социотнoсистемы) они представляют.

Естественно, что проблема выделения и описания полей социальных напряженностей является спорной и открытой и начинается она прежде всего с вопроса критериев. Их обоснование зависит от сложившейся реальности и социального времени, преследуемых исследовательских целей и теоретического видения реальности, практического (инструментального) заказа. Конечно, проблема на этом не заканчивается. Она переходит в более сложный пласт социологической мысли: какую тенденцию или траекторию социального развития считать "положительной", а какую - нежелательной ("отрицательной"). С другой стороны, человеческий разум, в том числе и коллективный, всегда ограничен. Ограничен не только биологически, но и социально. Человеческому миру свойственна стохастичность (непредсказуемость), степень которой, кажется, по всем параметрам увеличивается. Но мы все достаточно отчетливо понимаем, что такое преступность и социальное отчуждение, что такое социальная дифференциация, не знающая пределов, и социальная деградация. С тревогой воспринимаются экстремизм, терроризм, затянувшаяся стагнация и гражданская (или предпринимательская) инфантильность. Мы достаточно отчетливо понимаем и такие явления, как общинность, коммунитарность, предпринимательство; демографическое воспроизводство; социальная роль семьи, нравственность и т.п. Иначе говоря, существуют определенные контуры того, каким траекториям развития в данном социальном времени и пространстве дать простор, а какие - ограничивать. Конечно, мы сталкиваемся с явной дозой определенного (и всегда неизбежного) социологического субъективизма, но также знаем, что эта доза может быть оправдана и даже желательна, исходя из постулатов *конструктивистской эпистемологии*, позволяющей определенный желаемый нормативизм. Мне как социологу и гражданину представляется неприемлемой позиция релятивистской эпистемологии, проповедующей принцип непознаваемости и нерегулируемости социального мира (что в переводе на "иной язык" означает то же самое, что и принцип *laissez faire*).

Думается, каждому автору позволено, исходя из собственного видения и развиваемой им теоретической концепции, обосновать основной, ведущий критерий и руководствоваться им при выделении других, так называемых субкритериев, или критериев более низкого уровня. В нашем концептуальном понимании таким ведущим критерием мы считаем *всестороннее эволюционирование нации, рассматриваемой как составная часть глобальной культуры и цивилизации* (замечу здесь, что признания за-

служивает конструктивизм выдвинутой А. Здравомысловым релятивистской теории нации [5]).

С этим критерием связаны несколько не менее важных критериев, позволяющих более четко сфокусировать исследовательскую мысль: 1) гуманистическая направленность социального развития; 2) уравнищенность главных составных социального развития; 3) соотношение национального и наднационального (глобального). Ограниченный размер данной статьи не позволяет автору более четко объяснить, что подразумевается под ними.

С чисто формальной точки зрения следует руководствоваться и критерием всеобщности-локальности, т.е. определять территориальные границы исследуемого социума: анализируется вся социосистема или только ее отдельные составные части - территориальные, отраслевые и т.п. единицы.

Конечно, одно дело говорить абстрактно, прикрываясь теоретизированием о полях социальных напряженностей, и совсем другое дело заняться конкретикой. В последнем случае автора всегда и неизбежно предостерегают опасности: ограниченность, недостаточность глубины обзора; расплывчатость, несоизмеримость рубежей не только между всеобщим и локальным, но и между сферами социальных отношений и т.п. Короче - определенный социологический редукционизм. Ворота для дискуссий относительно критериев всегда открыты.

Наш опыт в области соответствующего конкретного исследования изложен в монографии (на литовском языке) "Поля социальных напряженностей в Литве. Критическая социологическая панорама конца XX в." [6]. При выделении и описании полей напряженностей мы ограничились более доступными пониманию классами или сферами социальных отношений и явлений: демографическими, экономическими, политическими, этнокультурными, нравственными, правовыми, религиозными, организационно-управленческими и супранациональными. В действительности, гамма социальных отношений является более широкой. Однако и взятое оказалось с трудом преодолимимым бастионом. Главное затруднение заключалось в выделении в каждом из названных классов (сфер) более четко описываемых противостоящих пар (дихотомий) - траекторий социальных процессов. Опираясь на свой многолетний опыт практической и научной деятельности, анализ доступной социальной информации, а также на актуальность и противоречивость проблем, в каждом классе полей мы выделили от 5 до 9 дихотомий и дали им соответствующую концептуально-теоретическую и эмпирическую характеристику.

Обратимся к первой из перечисленных сфер - области *демографических* социальных отношений и явлений. В данном случае для более подробного описания мы выделили следующие противостояния: миграция-оседлость; инертное большинство-пассионарное (творчески одаренное) меньшинство; старшее-младшее поколения; браки-разводы; рождаемость-смертность. Попытаемся концептуально их охарактеризовать.

Миграция-оседлость. Оба явления имеют свои неоспоримые плюсы и минусы. Проблема заключается в том, что между ними в рамках каждой конкретной территории и конкретного социального времени должно быть определенное равновесие. Преобладание определенной степени первого нарушает преемственность культуры, сложившуюся систему социального контроля, способствует криминогенности и т.п. Преобладание второго, т.е. оседлости (которую надо понимать не только в сугубо физическом плане, но и в плане привязанности к духовным ценностям), способствует закостенелости социума, общины; их оторванность от поступательного движения. Конфликтность между этими явлениями проявляется не только в сугубо человеческих отношениях, но и в функционировании институтов, обслуживающих общество; противостоянии традиционных структур и институтов тем структурам, которые зарождаются на почве мигрантов.

Инертное большинство-пассионарное меньшинство. Мы согласны с тем, что оба понятия скорее похожи на научные метафоры, чем на строго и четко доказуемые оп-

ределения. Однако сошлемся на А. Тойнби, который утверждал, что цивилизации разрушались не только по причине нашествия варваров, а скорее по причине изоляции, угнетения и потери статуса "творческого" меньшинства (пассионариев) и усиления позиций "внутреннего пролетариата" [7]. Нам представляется, что в данном случае Тойнби подразумевает инертное большинство, в том числе посредственности, которые превращают функционирование социосистемы в сугубо прагматическую самоцель без какого-либо явного, интегрирующего членов общества смыслового содержания.

С определенной долей уверенности можно полагать, что эти и подобные им утверждения могут быть применимы и при анализе отдельной нации, общины и даже трудового коллектива. Как складываются на практике, в обществе и в государственных структурах эти демографические "доли" популяции? Каков реальный статус пассионарного меньшинства, его влияние?

Старшее-младшее поколения. Постоянные трения между ними общеизвестны с зарождения цивилизаций. Но в наше время существует целый ряд причин, усиливающих напряженность между поколениями: обесценение, игнорирование духовных, а также физических авторитетов, в том числе и собственных родителей; обесценение профессиональных знаний старшего поколения; явные симптомы игнорирования младшим поколением традиционных основополагающих, в частности нравственных ценностей и т.п. Все это создает определенные препятствия для сохранения преемственности культуры. Существует и чисто "физическая" сторона проблемы. К ней относится увеличение удельного веса людей пенсионного, а следовательно, и обслуживаемого возраста (что на уровне подсознательного в некоторой степени раздражает младшее поколение).

Браки-разводы. Противостояние названных социально-демографических явлений в основном нами рассматривается через призму социализации индивида и роли семьи (как института социосистемы). Мы отчетливо осознаем, что в современном мире роль семьи в социализации демонстрирует явную тенденцию к ослаблению. Но тем не менее по многим причинам семья все же оставляет за собой миссию "основной ячейки" социальной организации. Конечно, разводы - только одна из составных частей качественных изменений, происходящих в институте семьи. Однако нарастающая тенденция в поведении молодого поколения игнорировать узаконенную семью и ее стабильность наиболее ярко проявляется в трудностях преемственности нравственных ориентаций, а тем самым в угасании гуманитарной направленности развития общества (в том числе социогенеза). Другими словами, дестабилизация семьи, одним из выражений которой являются разводы, влечет за собой целую гамму напряженностей.

Рождаемость-смертность. За соотношением этих демографических противостояний также кроется целый сгусток социальных конфликтов и противоречий, начиная от более эгоцентрической направленности личности (которая формируется в однодетной семье) и кончая социальным обеспечением "уходящего" поколения (и даже международными политическими недоразумениями, возникающими на почве пропуска в страну желаемой рабочей силы). Помимо прочего, преобладание смертности в том или ином регионе порождает унылость, угасание преемственности культурных ценностей. Но с другой стороны, преобладание смертности (а также миграции), взятое в более крупном плане, можно рассматривать и как фактор тенденции человеческой цивилизации к интеграции через смешение народов и рас. Естественно, что все это сопровождается как определенными противоречиями внутри страны, так и за ее пределами.

Указанные дихотомии демографических процессов и явлений (в равной мере как и другие их классы) могут быть описаны не только дедуктивным методом. Очевидна их "приемлемость" и для иллюстраций эмпирического характера.

Мы убеждены, что концепция полей может послужить хорошим подспорьем в сближении официально признанных транскриптов и дискурсов с их латентными

(скрытыми от официального "глаза" и признания) "собратьями". Она также может быть полезной не только в объяснении социоэтногенеза, развития государственности или для характеристики качественных траекторий общинности, гражданственности, механизма социально-политического взаимодействия и т.п. Подобный нашему способ социологического анализа полезен инструментально, т.е. в определении сходных позиций в различных проектах практического действия.

Кроме прочего, выявление общей картины поляризации тенденций социального развития и возникающих на этой почве полей социальных напряженностей позволяет более отчетливо выявлять тающиеся внутри социума (социоэтносистемой) силы, а также "цивилизационные болезни".

Метод социологического исследования рождается не сам по себе, его как бы выдвигает та реальность, та ее противоречивость, которая, наподобие кокона, своими видимыми и невидимыми нитями окутывает нас со всех сторон. Надеюсь, что из изложенного можно усмотреть: предлагаемый метод открыт для его дальнейшего совершенствования, мутации и разных ответвлений. Так в научном поиске и должно быть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. Berkeley and Los Angeles, 1990.
3. Kavolis V. Civilizaciniai procesai ir siandienine Lietuva // Kultūros barai. 1994. № 7.
4. Bauman Z. A Sociological Theory of Postmodernity // Intimation of Postmodernity. London and New York, 1993.
5. Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации. М., 1998.
6. Grigas R. Socialiniu itampu Lietuvoje laukai (kritine sociologine XX a. pabaigos panorama). Vilnius, 1998.
7. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.